

Елена Николаевна Чернолуцкая¹
chvalery@mail.ru

ЧИСЛЕННО РАСТУЩИЕ ЭТНИЧЕСКИЕ ГРУППЫ НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ РОССИИ В КОНЦЕ 1980-х — НАЧАЛЕ 2000-х гг.

В годы системного реформирования Дальний Восток погрузился в глубокий кризис, который сопровождался длительной демографической деградацией. В период между последней Всесоюзной переписью 1989 г. и первой Всероссийской переписью 2002 г. население региона сократилось на 1,1 млн чел. На этом фоне выделялось несколько этнических групп, которые в целом по региону или в отдельных его районах вопреки общей тенденции численно выросли — суммарно на 20 тыс. чел. Автором определено, что к таким группам относились коренные народы Дальнего Востока, буряты, якуты, тувинцы, цыгане, этнические сообщества Дагестана, ингуши, чеченцы, корейцы, армяне, азербайджанцы, таджики (в анализ не включены представители народов традиционного зарубежья). В статье показана специфика численной динамики каждой из этих групп в сравнении с позднесоветским периодом, выявлена доминирующая роль миграционного притока, определены социальные, политические и экономические факторы этого процесса, а также характер включённости этнических сообществ в региональное общественно-экономическое пространство. Сделан вывод о том, что, несмотря на небольшую долю названных групп в общем составе дальневосточного населения, их динамика повлияла на изменение структурных соотношений в народонаселении, окраску экономического и социального ландшафта региона, формирование этнических ниш предпринимательства, занятости, общественной активности, криминальной среды. Всё это стало новым вызовом пореформенного периода для власти и общества.

Ключевые слова: этнические группы, демографическая динамика, миграции, период постсоветского реформирования, Дальний Восток России.

Elena N. Chernolutskaia¹
chvalery@mail.ru

NUMERICALLY GROWING ETHNIC GROUPS IN THE RUSSIAN FAR EAST IN THE LATE 1980s — EARLY 2000s

During the years of systemic reform, the Far East plunged into a deep crisis, which was accompanied by a long demographic degradation. In the period between the last All-Union census of 1989 and the first All-Russian census of 2002, the population

¹ Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН, Владивосток, Россия.
Institute of History, Archaeology and Ethnology of the Peoples of the Far East, FEB RAS, Vladivostok, Russia.

of the region decreased by 1.1 million people. Against this background, several ethnic groups stood out, which, contrary to the general trend, numerically increased in the whole region or in some of its districts — by a total of 20 thousand people. The author determined that such groups included the indigenous peoples of the Far East, Buryats, Yakuts, Tuvans, Gypsies, ethnic communities of Dagestan, Ingush, Chechens, Koreans, Armenians, Azerbaijanis, Tajiks (the analysis does not include representatives of ethnic groups of traditional foreign countries). The article shows the specifics of the numerical dynamics of each of these groups in comparison with the late Soviet period, reveals the dominant role of the migration influx, determines the social, political and economic factors of this process, as well as the nature of the inclusion of ethnic communities in the regional socio-economic space. It is concluded that, despite the small share of these groups in the total composition of the Far Eastern population, their dynamics influenced the change in the structural proportions in the population, the color of the economic and social landscape of the region, the formation of ethnic niches of entrepreneurship, employment, social activity, and the criminal environment. All this has become a new challenge of the reform period for the government and society.

Keywords: ethnic groups, demographic dynamics, migration, post-Soviet reform period, Russian Far East.

1990-е гг. вошли в отечественную историю как период переформатирования российского государства на основе новой политической и экономической системы, и это было время жёсткого кризиса всего общества. Как известно, именно тогда Дальний Восток перешёл из разряда советских регионов с самым быстро растущим населением в разряд постсоветских российских территорий с наибольшими демографическими потерями. Негативная динамика в этой сфере началась здесь в конце 1980-х гг. В 1991 г. численность населения Дальнего Востока достигла своего исторического пика, после чего регион вошёл в полосу длительной демографической деградации [подробнее см.: 30].

Этот процесс в целом и его основные компоненты (естественная убыль и миграционный отток) в данный период достаточно подробно раскрыты в научной литературе. Однако изменения в этнической структуре Дальнего Востока исследованы не столь всесторонне. Между тем направленность и интенсивность последних была неоднозначной, что требует специального анализа. Частично эту проблему рассматривали демографы (Е.Л. Мотрич и др.), этнографы (В.А. Тураев, Г.Г. Ермак и др.), востоковеды (В.Л. Ларин, Л.В. Забровская и др.), историки (А.С. Ващук, В.В. Щеглов и др.).

Цель нашего исследования — на основе работ предшественников и суммарного анализа объективных данных подвести своеобразный итог этнодемографических изменений пореформенного периода, выявив в структуре бывшего советского населения на Дальнем Востоке² все те этнические

² В этой статье Дальневосточный регион рассматривается без Республики Саха (Якутия) и Забайкалья.

группы, которые вопреки общей тенденции численно выросли. Мы строим свой анализ с позиции социальной истории, т.е. ставим задачу определить специфику демографической динамики указанных групп в сравнении с позднесоветским периодом, показав не только количественные изменения, но и определявшие их социальные, политические и экономические факторы эпохи системных реформ, а также характер вовлечённости данных сообществ в региональное общественно-экономическое пространство. В это исследование не включены представители народов традиционного (дальнего) зарубежья, миграция которых в 1990-е гг. также изменила этнический облик Дальнего Востока (данный аспект выходит за рамки наших задач).

В качестве статистических параметров, как наиболее репрезентативные и удобные для сравнения начальной и конечной точек отсчёта для пореформенного периода, выступают данные последней советской переписи 1989 г. и первой переписи Российской Федерации 2002 г.³ Они отразили падение численности населения Дальнего Востока с 6,8 млн до 5,7 млн чел., которое произошло главным образом за счёт миграционного оттока. Особенно резко сократилось число жителей Чукотского автономного округа и Магаданской области, где к 2002 г. оставалось соответственно 32,8 и 46,7% населения от уровня 1989 г. В Камчатской области этот показатель составлял 76,0%, в Сахалинской — 77,0%, в Амурской — 86,0%, в Еврейской АО — 89,2%, в Хабаровском крае — 89,9%, в Приморском крае — 91,8%.

Свой «вклад» в процесс общей убыли населения внесли представители большинства сообществ, находившихся в регионе. Наибольшие потери в абсолютных цифрах (–716,5 тыс. чел.) были у русских — традиционно самой многочисленной группы на Дальнем Востоке, составлявшей от 84,5% (1989) до 88,4% (2002) в его структуре. Быстро сокращалась численность украинцев, белорусов, чувашей, татар, башкир, туркмен, евреев, эстонцев, киргизов, узбеков, казахов, латышей и др.

На этом фоне выделялось несколько групп, которые в ряде краёв и областей либо в целом по региону имели противоположный вектор динамики. Небольшой прирост в период с 1989 по 2002 г. наблюдался у большинства **коренных малочисленных народов** Дальнего Востока — коряков (100,2% к уровню 1989 г.), негидальцев (101,6%), эскимосов (101,7%), нанайцев (103,7%), удэгейцев (105,7%), чукчей (106,4%), юкагиров (107,4%), алеутов (108,7%), нивхов (111,5%), эвенков (111,0%). Заметно выше были темпы роста у ительменов (150,2%, с 2018 до 3032 чел.) и ороков (ульта) (237,5%, со 136 до 323 чел.). Как правило, прирост шёл в районах их основного проживания: коряков и алеутов — на Камчатке, чукчей, эскимосов и юкагиров — на Чукотке, ительменов — в Магаданской и Камчатской областях, нанайцев, эвенков и негидальцев — в Хабаровском крае, нивхов — там же и на Сахалине, удэгейцев — в Приморье. В 2002 г. впервые были учтены тазы

³ Здесь и далее в тексте, если нет специальных оговорок, численность этнических групп приводится по данным Всесоюзной (1989) и Всероссийской (2002) переписей населения [8; 9]. Процентные соотношения и суммарные итоги подсчитаны автором на основании этих же данных.

(263 чел.) и камчадалы (2237 чел.), которых до этого причисляли к другим этническим группам. Из всех аборигенных этносов небольшое сокращение зафиксировано только у эвенов (97,3%), чуванцев (98,4%) и ульчей (99,4%).

Суммарная численность коренных народов Дальнего Востока выросла с 62,7 тыс. до 68,0 тыс. чел., сохранив положительный вектор позднесоветской динамики, несмотря на социальные катаклизмы 1990-х гг. — массовую безработицу, обнищание и голод в национальных сёлах, закрытие медицинских учреждений и т.п. Очевидно, представители этих сообществ менее других были склонны к выезду из регионов традиционного проживания, хотя имелась тенденция их миграции из сёл в городские поселения, особенно среди молодёжи. Кроме того, согласно исследованию В.А. Тураева, аборигенное население (за исключением орочей) сохранило естественный прирост. Но на официально зарегистрированное изменение численности каждой из групп влияли также и демографические факторы, в том числе особенности учёта, погрешности переписей, восстановление или смена этничности, ассимилятивные процессы [26].

Такая динамика в условиях массового стихийного оттока некоренного населения и целенаправленной государственной политики выталкивания его с «северов» привела к изменению пропорций этнического состава соответствующих территорий. В Хабаровском крае прирост нанайцев при сокращении численности белорусов и татар позволил первым за межпереписной период переместиться с пятого на третье место в структуре населения края, хотя доля их была невелика (1989 г. — 0,7%, 2002 г. — 0,8%). В Чукотском АО чукчи поднялись с третьего на второе место (с увеличением своей доли с 7,3% до 23,5%), обогнав украинцев, а эскимосы и эвены вошли в первую пятёрку, вытеснив татар и белорусов.

Свой скромный вклад в демографию Дальнего Востока внесли некоторые народы соседних регионов. Так, за 1989—2002 гг. увеличилась численность *бурят* в Приморском крае (с 808 до 880 чел., 108,9% к уровню 1989 г.), *якутов* в Сахалинской области (с 66 до 120 чел., 181,8%), Приморье (с 475 до 703 чел., 148,0%), на Камчатке (с 75 до 92 чел., 122,7%), в Еврейской АО (с 82 до 95 чел., 115,9%), что было обусловлено миграционным обменом между близкими территориями, а в случае с якутами, возможно, и традиционно более благополучным естественным воспроизводством.

В то же время такая небольшая в регионе группа, как *тувинцы*, за межпереписной период выросла в 3,7 раза (с 271 до 1003 чел.). Её рост наблюдался во всех дальневосточных субъектах (кроме Магаданской области), но особенно быстрый — в Амурской области и Хабаровском крае (более чем в 5 раз). Скорее всего, на это повлиял комплекс факторов: естественное воспроизводство, актуализация этнической принадлежности, миграционный приток. Отметим, что в советский период миграционная подвижность представителей этого народа в основном ограничивалась пределами Тувинской АССР [1]. Очевидно, трансформационный кризис 1990-х гг. выталкивал их вовне (теперь уже из Республики Тыва).

Ещё одной растущей группой на Дальнем Востоке были *цыгане*. Согласно переписям, их численность за 1989—2002 гг. увеличилась здесь

во всех субъектах, кроме Северо-Востока (вместе с Камчаткой), — суммарно в 1,4 раза (с 1,5 тыс. до 2,2 тыс. чел.). Реально их было больше, так как далеко не все из них проходили официальный учёт. Такая динамика объяснялась не только естественным фактором (многодетностью семей), но и переездом целых кланов из западных регионов. В 1990-е гг., двигаясь на восток, цыгане создали крупные общины в Новосибирске, Новоалтайске, Красноярске, ряде городов Дальнего Востока. По Дальневосточному региону наибольшее их число фиксировалось в Хабаровском и Приморском краях (в 1989 г. — соответственно 495 и 509 чел., в 2002 г. — 770 и 693 чел.). В Приморье, например, в 2002 г. основными местами их концентрации были Уссурийск (414 чел.) и Артём (120 чел.) [22, с. 24, 38]. Занятость цыган во многих случаях не отличалась от среднестатистической по региону. Однако в 1990-е гг. внутри этого сообщества получили широкое распространение и специфические виды «промысла». Члены пришлых кланов, как правило, зарабатывали на обороте золотых и серебряных изделий, продаже наркотиков (за что неоднократно подвергались уголовному наказанию), а также дешёвого ширпотреба на процветавших в тот период барахолках [3; 28].

На Сахалине во второй половине 1990-х гг. миграционная служба отмечала приток цыган из Республики Молдова, который зачастую сопровождался нарушением ими паспортно-визового режима [25, 1996, 14 нояб., с. 1; 1997, 12 авг., с. 1]. Типичную картину их «предпринимательства» в тот период рисует журналист местной газеты: «...В Макарове возле магазинов и городского рынка цыгане разбили свой табор. Но не по старинке, а по-современному: вместо лошадей и кибиток на стане разместилось более десятка легковушек, до отвала нагруженных тюками с товаром. У покупателей цыгане спрашивают, нет ли у них ордена Ленина на товарообмен, или ордена Отечественной войны I степени, нужны им и монеты старинной чеканки. Все эти предметы содержат драгоценные металлы...» [25, 1999, 10 июня, с. 1].

Заметные изменения произошли в численности и размещении **корейцев**. За 1989—2002 гг. эта группа выросла с 54,8 тыс. до 60,1 тыс. чел. (109,7% к уровню 1989 г.), поднявшись в структуре населения Дальнего Востока с пятой на третью позицию. Однако на Сахалине, где корейцев было больше всего, их число сократилось с 35,2 до 29,6 тыс. чел. Основной причиной был миграционный отток в другие регионы России и за рубеж, в том числе начавшаяся репатриация в Республику Корея лиц, насильственно переселённых на южный Сахалин в годы японского колониального господства. Несмотря на сокращение этой группы, к 2002 г. она стала второй по численности в Сахалинской области, обогнав ещё быстрее уменьшавшуюся группу украинцев.

Нисходящая динамика корейского населения наблюдалась также в Магаданской и Камчатской областях. Но в южных районах Дальнего Востока в межпереписной период оно заметно выросло: в Амурской области — с 408 до 697 чел. (170,8% к уровню 1989 г.), в Хабаровском крае — с 8,3 тыс. до 9,9 тыс. (119,5%), в Приморском крае — с 8,5 тыс. до 17,9 тыс. (в 2,1 раза). При этом лидеры корейской общины определяли численность соплеменников в Приморье в 2000 г. в 26—30 тыс. чел. [4, с. 159].

Большую роль в быстром расширении этого сообщества сыграл переезд корейцев из среднеазиатских республик, где они проживали со времени депортации 1937 г. В качестве нового места жительства многие выбрали именно Приморский край, откуда в сталинский период и было выселено большинство корейских семей. Бывшие депортанты и их потомки начали переселяться в Приморье ещё с конца 1950-х гг., когда в отношении них были сняты административные запреты. На рубеже 1980—1990-х гг. их приток в край резко усилился из-за разгула национализма и межэтнических конфликтов в районах выхода, ухудшения условий работы и быта [24, с. 247—250]. Масштабы переселения продолжали нарастать в первое постсоветское десятилетие. Новосёлы этого периода во многом опирались на поддержку обосновавшихся ранее в Приморье родственников и земляков [32].

Всего в 1990—2000 гг. за счёт миграции прирост численности корейцев в крае составил 9498 чел., в том числе в 1990—1991 гг. — 1049 чел., 1992—1993 гг. — 2482, 1994—1995 гг. — 2746, 1996—1997 гг. — 1362, 1998—2000 гг. — 1859 [7, с. 157; данные табл. 1].

Таблица 1

Миграция корейцев в Приморском крае в 1998—2000 гг. (чел.)

Территории миграционного обмена с Приморским краем	Прибыло	Выбыло	Сальдо миграции
Другие регионы России	1789	1833	–44
Другие государства, в том числе:	3914	2011	1903
страны дальнего зарубежья	2110	1815	295
страны ближнего зарубежья, из них:	1804	196	1608
Узбекистан	1302	123	1179
Казахстан	303	31	272
Киргизия	74	27	47
Таджикистан	68	4	64
Украина	43	5	38
Другие	14	6	8
Всего	5703	3844	1859

Сост. по: [19, с. 46—47; 20, с. 54—55; 21, с. 53—54].

Наряду с притоком наблюдался и их отток за пределы Приморья. Последний, как показывает табл. 1, был превышающим в обмене с другими регионами России. Прирост же шёл именно за счёт миграции из зарубежья, наиболее значительной — из Узбекистана и Казахстана. Часть прибывших оформила статус беженцев или вынужденных переселенцев.

Возвращению и закреплению корейцев в Приморье способствовали специальные меры их поддержки, выработанные в рамках политики реабилитации репрессированных народов в целом (Постановление ВС СССР

от 7 марта 1991 г. и др.) и конкретно — корейцев (Постановление ВС РФ от 1 апреля 1993 г.). В соответствии с принятыми законами Администрация Приморского края предпринимала меры по решению проблем их обустройства на приморской земле, в том числе связанных с занятостью, выделением жилья, земельных участков, льготных кредитов и т.д. На это были нацелены соответствующие планы мероприятий и программы, которые не без трудностей и противоречий, но всё же достигали определённых результатов. Так, в 1997 г. для расселения корейских мигрантов было передано пять бывших военных городков, хотя состояние последних оставляло желать лучшего.

Активную роль в поддержке переселения и адаптации корейцев в Приморье играло и само этническое сообщество, в частности Всесоюзная ассоциация советских корейцев (создана в 1990 г.), Приморский краевой фонд корейцев «Возрождение» (1993) и др. Спонсорская помощь поступала также из Республики Корея: например, на строительство деревни «Дружба» в Уссурийском районе, предназначенной для мигрантов. В целом корейцы отличались высокой степенью общественной и культурной консолидации, что влияло на уровень их социально-психологического комфорта в крае [7, с. 162—164].

Вместе с тем нельзя не отметить неоднородность этого сообщества на Дальнем Востоке, связанную со сроками прибытия и местами исхода корейцев [24, с. 247—250; 29]. Как показано в исследовании А.С. Ким, потомки депортантов, возвратившихся в регион в позднесоветский период, полностью интегрировались в местную среду и стали россиянами как в гражданско-государственном, так и в социокультурном смысле. По своим ценностным ориентациям близки к ним мигранты из Средней Азии 1990-х гг., однако последние более идентифицируют себя с русскоязычной этнической группой региона выхода и держатся относительно обособленно от дальневосточных корейцев-«старожилов». Специфическую группу, сложившуюся ещё со времени окончания Второй мировой войны, представляют сахалинские корейцы — потомки людей, насильственно перемещённых японцами из Кореи. Их самоидентификация сформировалась под влиянием этой коллективной исторической травмы, фактора разрозненности семей, а также правовых ограничений позднесоветского периода. Ещё одну группу представляют выходцы из КНДР, завербованные на работу в СССР в конце 1940-х гг. и отказавшиеся от возвращения на родину. Их молодые поколения практически полностью ассимилировались в сообществе дальневосточников, но пожилые в значительной степени сохраняют самоидентификацию северных корейцев и стараются поддерживать контакты с КНДР [12].

Ряд численно выросших этнических сообществ на Дальнем Востоке представляли *народы Кавказа, Закавказья и Средней Азии*, хотя каждая из этих групп составляла менее 1% в структуре населения региона. Во многом их динамика была продолжением или отзвуком процессов, начавшихся в 1960—1980-е гг., когда в южных советских республиках наблюдались демографический взрыв, аграрное перенаселение, безработица и вызванная ими массовая миграция в различные края и области РСФСР, включая

Дальний Восток [24, с. 246]. После распада СССР все эти негативные социально-экономические явления не только обострились, но и дополнились новыми. Экономический упадок, военные конфликты в Чечне, Нагорном Карабахе, Абхазии, Таджикистане, Узбекистане, Южной Осетии, действия бандформирований на Кавказе стали причиной массового оттока населения из этих регионов. Во многих республиках уже в последние годы советской эпохи, но особенно после её заката обострялись межнациональные трения вплоть до кровавых погромов (ферганский, осетино-ингушский, бакинский, сумгаитский и др.). Ситуацию усугубила природная катастрофа — разрушительное землетрясение в Спитаке и Ленинакане (Армения) в 1988 г. С другой стороны, сам Дальний Восток стал более доступным для мигрантов — здесь открылись пограничные территории, имевшие в советский период статус закрытых (с особым режимом въезда и пребывания).

Во всех субъектах региона, кроме Магаданской области, в межпереписной период увеличилось число представителей народов Дагестана (*аварцев, даргинцев, кумыков, лезгин*) суммарно с 3,8 тыс. до 6,2 тыс. чел., или на 63,7%, с наибольшей концентрацией в Приморском (рост — с 885 до 2156 чел., в 2,4 раза) и Хабаровском (с 831 до 1567 чел., +88,6%) краях. В регионе они были интегрированы в различные сферы занятости — торговлю, бытовые услуги, автомобильный бизнес, образование, культуру, государственную службу. Несмотря на полиэтничность дагестанских общин, вдали от исторической родины у них прослеживалась тенденция к культурной консолидации, одним из примеров которой стало создание в г. Находка в 2001 г. Приморской региональной общественной организации «Дагестанский культурный центр „Серир“». Сами власти Республики Дагестан, проявляя интерес к сотрудничеству в различных сферах на российском Дальнем Востоке и в странах АТР, в 2000 г. организовали своё представительство в Приморском крае на общественных началах [18, с. 134, 137].

Некоторые этнически сплочённые общины расширялись только в тех районах, где они ещё с советского времени имели более прочную экономическую укоренённость, служившую базой поддержки и для новосёлов. Как отмечают Г.Г. Ермак, А.С. Ващук и другие исследователи, большинство кавказских сообществ относятся к числу тех, которые в местах проживания стараются создать свои собственные бизнес-структуры. Рыночные реформы 1990-х гг. в России открыли для этого «окно возможностей», а внутриобщинные и клановые связи (кооперация, обмен информацией, кредиты и т.п.) по мере их развития в постсоветские годы укрепляли позиции таких групп [10, с. 156; 5, с. 63]. Однако вместе с легальным бизнесом период радикально-либеральных реформ сопровождался расцветом полуполигальной и преступной деятельности, которая по составу участников имела как смешанный характер, так и определённую этническую окраску.

В связи с этим сделаем важное замечание. Обращаясь далее к проблеме криминальной составляющей в жизнедеятельности тех или иных этнических групп, мы, безусловно, не склонны абсолютизировать этот фактор и ассоциировать с ним всех членов сообществ. Вместе с тем стоит признать, что в условиях «лихих 90-х» для некоторых территориальных групп,

особенно небольших, пропорциональная значимость нелегальной деятельности относительно легальной в завоевании «места под солнцем» оказывалась довольно существенной. Этот феномен развивался под влиянием как общей для страны криминализации экономических и социальных отношений в 1990-е гг., так и ситуации затруднённости бюрократических процедур легализации мигрантов на территориях нового пребывания, что способствовало выталкиванию их в криминальную сферу.

Группы **чеченцев** в межпереписной период сократились во всех, кроме одного, субъектах на Дальнем Востоке, суммарно — с 1,9 тыс. до 1,5 тыс. чел. Исключением стал Приморский край. Здесь ещё с позднесоветских времён осело наибольшее по региону число чеченцев: они оставались после службы в армии, приезжали по оргнабору или распределению после вуза и т.д. С 1989 по 2002 г. их численность, согласно переписям, выросла с 459 до 649 чел. (+41,4%), но в реальности была выше, так как вновь прибывавшие мигранты нередко жили и работали в крае без регистрации. Например, в 1999 г. в УВД Приморья располагали сведениями о находившихся здесь около 2 тыс. представителей этого народа [16, с. 195].

Война в Чеченской Республике оказала существенное влияние на состав мигрантов из районов, где социум был дезинтегрирован боевыми действиями и гражданской войной, а также на отношение к чеченцам со стороны других групп населения. Исследования А.П. Яркова в Тюменском крае показали, что чеченские сообщества в регионах за пределами Кавказа пополнялись как за счёт бежавших от боевиков под защиту российской власти, так и участников антироссийских вооружённых формирований, а также сочувствовавших им или придерживавшихся нейтралитета. Несмотря на это, складывалась уникальная ситуация: все эти группы вместе с укоренёнными ранее соплеменниками мирно сосуществовали и вели себя консолидированно, придавая большое значение институту взаимопомощи. Функцию этноконструирующего элемента у них выполняла мечеть [31, с. 169—170].

В 1990-е гг. в Приморском крае примерно половина чеченцев проживала в городах Владивосток и Находка. Большинство, по словам одного из лидеров владивостокского чеченского сообщества 1990-х гг. М. Услахаджиева, занимались бизнесом [17]. Но были и те, кто пошёл в политику. В частности, известность на этом поприще приобрёл Д.А. Текиев. Он приехал в Хасанский район Приморского края в 1990 г. по распределению после вуза, позже организовал свой бизнес, а в 2002 г. стал депутатом Законодательного собрания Приморского края, с тех пор неоднократно переизбирался в этот орган, занимая в нём руководящие должности [13].

Довольно сильные позиции чеченцы имели в Находке, где в этот период было объявлено о создании свободной экономической зоны. Значительную роль в их предпринимательском «восхождении» сыграли криминальные отношения. Специалисты выявили, что в начале 1990-х гг. «новые чеченцы» в остром противоборстве с русской преступной группировкой взяли под контроль две трети всего легального и нелегального бизнеса города (розничную и мелкооптовую торговлю, автобизнес, сферу услуг, финансовые

операции, рыбодобывающую, судоходную отрасли). Наиболее влиятельным считался А. Хатуев. Он основал частное предприятие «Сфера», стал соучредителем и генеральным директором Торгово-индустриального банка, был известен как лидер «чеченской криминальной группировки», объединявшей свыше 120 чел. Приехав в Находку из Грозного в конце 1980-х гг., он перевёз вслед за собой группу родственников, поддерживал клановые связи [7, с. 146, 189; 23, с. 66; 11].

По такому же принципу расширяли круг своих родственников и земляков многие другие экономически состоятельные члены этнических сообществ. В Магаданской области сложилась самая крупная на Дальнем Востоке группа *ингушей*. Ещё в позднесоветский период наблюдался их значительный миграционный приток на Северо-Восток, где за 1970—1989 гг. их численность выросла с 212 до 717 чел. После крушения советской системы она продолжала увеличиваться, хотя и заметно медленнее: к 2002 г. — до 808 чел. (112,7% к уровню 1989 г.). Как и многие другие приехавшие на Колыму, ингуши пополняли кадры горной промышленности. Но ещё в советские времена в их среде появились активные участники теневого сегмента в обороте добытых драгоценных металлов. Они скупали золото у «диких» старателей и похищали его с предприятий, переправляя затем на Кавказ. Этот криминальный бизнес, получивший в народе название «Ингушзолото», развивался и в 1990-е гг., став источником не только обогащения определённых групп, но и финансирования незаконных вооружённых формирований, что вскрывалось органами ФСБ и милиции [15]. Прирост ингушей наблюдался также в Хабаровском крае (со 190 до 283 чел., 148,9%). В остальных субъектах региона их численность уменьшилась.

В отдельном ряду стоят те *выходцы из Закавказья и Средней Азии*, историческая родина которых после 1991 г. перешла в категорию *ближнего (или нового) зарубежья* России, что изменило правовую основу миграций, перешедших из категории межреспубликанских в межгосударственные, а самих иммигрантов превратило в иностранных граждан. Из всех таких сообществ в рассматриваемый период только три имели численный рост в некоторых краях и областях Дальнего Востока — азербайджанцы, таджики и армяне. Основную роль в этом сыграла миграция.

Костяк данных групп сформировался на Дальнем Востоке в советский период. С разрушением СССР часть их представителей возвратилась на историческую родину — теперь уже в новые постсоветские государства. Одновременно в последних развивался эмиграционный процесс, обусловленный затухавшей инерцией советских переселений, но главное — ухудшением условий жизни и межнациональными столкновениями. В частности, для армян и азербайджанцев очень болезненным был конфликт в Нагорном Карабахе.

При общей тенденции роста динамическая линия в каждом конкретном случае имела свои особенности. Так, *азербайджанцы* в позднесоветский период представляли небольшую, но самую быстро растущую этническую группу на Дальнем Востоке: их численность в 1960—1980-е гг. увеличилась в 21,5. В то время основными каналами их притока в регион были

служба в вооружённых силах, учёба в вузах, оргнаборы на БАМ и другие «ударные стройки». Здесь их привлекала возможность хороших заработков в рыбной промышленности, на морском транспорте и в других отраслях [24, с. 245—246]. В 1989 г. в пределах Дальнего Востока больше всего азербайджанцев проживало в Амурской области (6072 чел.) и Хабаровском крае (4689 чел.), однако ко времени переписи 2002 г. их численность на этих территориях, а также в Магаданской области уменьшилась — особенно быстро в Амурской области (к 2002 г. — в 1,9 раза), а в целом по Дальнему Востоку — с 17,6 тыс. до 15,8 тыс. чел. В 2002 г. 16% из них имели гражданство Азербайджана.

Но в остальных дальневосточных субъектах наблюдался прирост числа азербайджанцев: в Приморском крае — с 2981 до 4411 чел. (148% к уровню 1989 г.), в Сахалинской области — с 951 до 1138 (119,7%), в Камчатской области — с 117 до 1138 (117,4%), в Еврейской АО — с 534 до 594 чел. (111,2%). Главным компонентом такой динамики было прибытие новосёлов, о чём красноречиво говорит пример Приморья, где сальдо миграции азербайджанцев только за 1990—2000 гг. составило +1097 чел. (подсчитано по: [7, с. 156; 21, с. 55]). Проведённые в крае соцопросы показали, что в основном люди покидали родину из-за отсутствия жилья, работы, низких заработков. Среди причин респонденты называли также конфликт в Нагорном Карабахе и расцвет криминального использования труда безработных в своей стране («рабские рынки»). Как показало исследование А.С. Ващук, высокая роль миграционного фактора в пополнении этой этнической группы стала причиной формирования на Дальнем Востоке диаспорной группы азербайджанцев с ярко выраженным диаспоральным менталитетом [5, с. 63].

В условиях рыночных реформ проявилась их склонность к предпринимательству. На Дальнем Востоке они создали сеть предприятий в мебельном и сельскохозяйственном производстве, судоходстве, пищевой и транспортной отраслях, активно осваивали сферу торговли, особенно оптово-розничную (алкоголь, продукты питания, овощи и фрукты). Однако прибывшие в регион во второй половине 1990-х гг. испытывали трудности при регистрации, т.е. в легализации своего пребывания. Среди них было много имевших временную работу и теневую занятость [7, с. 147, 187; 10, с. 157; 14]. Сведения лидеров диаспоры о численности соплеменников в Приморье (на начало 2000 г. — 21 тыс. чел. [4, с. 159]) были значительно выше, чем фиксировала перепись 2002 г.

Азербайджанцы были активными участниками миграций внутри Российской Федерации. Так, в Приморском крае в 1998—2000 гг. из общего числа прибывших 40,9% приехали из других российских регионов, туда же направлялись 71,7% выбывших. В контактах с ближним зарубежьем таких было соответственно 59,1 и 28,3%, т.е. больше половины представителей этого народа приезжали в Приморье с исторической родины, но в случае отъезда из края основная часть предпочитала оставаться в России. При этом обмен Дальнего Востока со странами дальнего зарубежья в эти годы статистика фиксировала для этой группы как нулевой (подсчитано по: [19, с. 46—47; 20, с. 54—55; 21, с. 53—54]).

Схожий характер численной динамики был у *таджиков*: если за 1959—1989 гг. эта группа на Дальнем Востоке выросла в 3,5 раза, достигнув 2548 тыс. чел. [24, с. 246], то к 2002 г. она уменьшилась до 2359 чел. (94% к уровню 1989 г.). Её рост продолжился только в Приморском крае (с 546 до 743 чел., 136,1%) и Еврейской АО (с 62 до 128 чел., в 2,1 раза). В Приморье около 90% таджиков приезжало из Таджикистана, который после развала СССР и кровопролитной войны начала 1990-х гг. стал одной из самых бедных стран СНГ с наибольшей долей безработных. Выбывали же из края единицы. Гражданство своей страны в 2002 г. имели 27%. Занятость мигрантов существенно отличалась от таковой у многих других групп. Прибывшие в основном пополняли рынок малоквалифицированного дешёвого труда, большей частью на дорожно-коммунальных работах. Они представляли наиболее бедную часть мигрантов, плохо владели русским языком [6, с. 80]. На улицах городов нередко можно было видеть таджикских женщин и детей, занимавшихся попрошайничеством.

Среди наиболее быстро растущих этнических групп на Дальнем Востоке была *армянская*. В позднесоветский период она увеличилась в 3,6 раза [24, с. 246], а в 1989—2002 гг. — в 1,5 раза (с 10,1 тыс. до 15,1 тыс. чел.), в том числе в Приморском крае — в 2,4 раза (с 2388 до 5641 чел.), в Хабаровском крае — в 1,5 раза (с 1741 до 2666), в Амурской области — в 1,5 раза (с 2712 до 4045), в Сахалинской области — в 1,4 раза (с 804 до 1144), на Камчатке она не изменилась и лишь в Магаданской области и на Чукотке резко уменьшилась.

Как видно из приведённых данных, самая крупная территориальная группа армян на Дальнем Востоке находилась в Приморском крае. При этом лидеры сообщества в 2000 г. оценивали её численность в 25 тыс. чел. [4, с. 159]. Из зафиксированных переписью 2002 г. 16,9% были гражданами Армении. Как и у названных выше групп, основным источником прироста армянского сообщества выступала миграция. В 1990—2000 гг. её сальдо по краю составило +1950 чел. Статистика конца 1990-х гг. показывает, что в общей массе армян — участников миграций было менее трети выбывших, из них 83,8% уезжали в другие регионы России (подсчитано по: [7, с. 157; 20, с. 56; 21, с. 55]).

В 1990-е гг. армяне активно участвовали в формировании рыночной среды региона, показав себя успешными предпринимателями, особенно в сфере услуг, торговле, стоматологии, строительстве, ресторанном бизнесе. Например, многопрофильное предприятие ООО «Мега-сеть», учреждённое в Хабаровске в 1990 г. А.Э. Галстяном, и первая во Владивостоке частная стоматологическая клиника, открытая в 1992 г. Г.Г. Бабакохяном, расширились и действуют по сей день [27]. Члены сообщества вошли также в структуры исполнительной и законодательной власти на дальневосточных территориях. В качестве примера в Приморском крае можно назвать Г.Ц. Ахояна. Уроженец г. Кировокана Армянской ССР, он в 1970-е гг. проходил военную службу в Приморье, здесь же получил высшее медицинское образование, работал врачом. В 1988—2004 гг. возглавлял частные компании, а с 2004 г. по настоящее время является депутатом Законодательного собрания края [2].

Сформировавшийся костяк экономически активного населения помог адаптироваться вновь прибывшим соплеменникам. Согласно социологическим исследованиям 1990-х гг. в Приморье, у армян был самый высокий процент мигрантов, получивших постоянную работу [7, с. 163].

Приведённый выше материал приводит нас к следующим выводам. Под влиянием кардинальных изменений в России и других постсоветских государствах, экономического спада, изменения приоритетов миграционной политики, военных и межнациональных конфликтов модель формирования этнической структуры населения Дальнего Востока изменилась. Славянские и поволжские народы, которые в советский период были основными «вкладчиками» в увеличение числа дальневосточников, в 1990-е гг. стали основными источниками демографических потерь из-за депопуляции и оттока из региона, их общая убыль с 1989 по 2002 г. составила 1,1 млн чел.

Но отдельные сообщества продолжали расти и в трудные годы рыночных реформ. За счёт внутренних ресурсов несколько увеличилась численность коренных народов Дальнего Востока. Остальные группы (буряты, якуты, тувинцы, цыгане, сообщества Дагестана, ингуши, чеченцы, корейцы, армяне, азербайджанцы, таджики) получали миграционную «подпитку» из других краёв и областей, южных российских республик и постсоветских государств Закавказья и Средней Азии. В абсолютных показателях наиболее значительно в межпереписной период выросли группы корейцев (в Приморье, Хабаровском крае и Амурской области — на 11,4 тыс. чел.) и армян (в этих же субъектах и Сахалинской области — на 5 тыс. чел.). При этом суммарный прирост всех рассмотренных нами этнических групп в целом по региону составил только 20 тыс. чел., что не идёт ни в какое сравнение с общими демографическими потерями на Дальнем Востоке.

Тем не менее такая динамика изменила структурные соотношения. В первой десятке рейтинга по численному составу (см. табл. 2) русские и украинцы сохранили первое и второе места и абсолютное доминирование (92,7%), но доля украинцев сократилась с 8,1 до 4,3%. Опустелись на более низкие строчки белорусы, мордва и чуваша, а евреи выбыли из десятки. Повысили свой рейтинг корейцы и азербайджанцы, армяне вошли в десятку сразу на 7-е место. Изменилась также картина по краям и областям Дальнего Востока, что показано нами выше. В частности, укрепили свои позиции коренные народы Дальнего Востока в районах традиционного проживания. При этом стоит учитывать, что переписи не совсем точно отражали реальную картину. Часть мигрантов пребывала в регионе без какого-либо официального учёта, и, если судить по сведениям лидеров этнических сообществ, расхождения с официальной статистикой в сторону увеличения порой были значительными.

Хотя в процентном соотношении доля растущих групп в общей структуре населения была мала, их динамика имела далеко идущие последствия. Она повлияла на окраску экономического и социального ландшафта региона, активизировала формирование этнических ниш предпринимательства, занятости, криминальной среды. В условиях «разбуженного» национального

Таблица 2

Рейтинг первой десятки по численному составу этнических групп на Дальнем Востоке в 1989 и 2002 гг.

Место в рейтинге	1989 г.		2002 г.	
	Этническая группа	% в общей структуре населения	Этническая группа	% в общей структуре населения
1	Русские	84,50	Русские	88,40
2	Украинцы	8,10	Украинцы	4,30
3	Белорусы	1,30	Корейцы	1,00
4	Татары	1,00	Татары	0,72
5	Корейцы	0,80	Белорусы	0,71
6	Мордва	0,40	Азербайджанцы	0,30
7	Евреи	0,29	Армяне	0,28
8	Чуваши	0,27	Мордва	0,24
9	Азербайджанцы	0,26	Немцы	0,19
10	Немцы	0,23	Чуваши	0,18

Сост. по: [8; 9].

самосознания резко повысилась этно-общественная активность, повсеместно создавались национально-культурные центры и объединения, складывались неформальные сети, возрастала роль различных религиозных течений, в том числе нетрадиционных для Дальнего Востока. Начались процессы диаспоризации и фрагментации этнокультурного пространства. Всё это стало новым вызовом пореформенного периода: от власти требовалась выработка соответствующей миграционной, национальной, демографической политики, а от общества — формирование необходимых практик межэтнической коммуникации.

ЛИТЕРАТУРА

1. Анайбан З.В. Характеристика этнодемографических процессов Тувы в советский период // Новые исследования Тувы. 2011. № 2—3. С. 130—150.
2. Ахоян Галуст Цолакович. URL: <http://www.zspk.gov.ru/deputy/93390/> (дата обращения: 11.02.2021).
3. Бурменко А. Цыгане с пилами наперевес. URL: <https://novostivl.ru/post/17711/> (дата обращения: 14.04.2020).
4. Ващук А.С. Адаптация этнических мигрантов из России и СНГ в Приморье (90-е годы XX в.) // Адаптация этнических мигрантов в Приморье в XX в. Владивосток: ДВО РАН, 2000. С. 158—173.
5. Ващук А.С. Миграционные связи Дальнего Востока России с постсоветскими государствами в конце XX в. // Россия и АТР. 2003. № 2. С. 55—65.

6. Ващук А.С., Ермак Г.Г. Русский язык в повседневных практиках этнических мигрантов в Приморском крае // Приморье: народы, религии, общество / отв. ред. Г.Г. Ермак, Т.И. Табунщикова. Владивосток, 2017. С. 77—87.
7. Ващук А.С., Чернолуцкая Е.Н., Королева В.А., Дудченко Г.Б., Герасимова Л.А. Этномиграционные процессы в Приморье в XX веке. Владивосток: ИИАЭ ДВО РАН, 2002. 228 с.
8. Всероссийская перепись населения 2002 года. Национальный состав населения по регионам России. URL: http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus_nac_02.php (дата обращения: 08.05.2020).
9. Всесоюзная перепись населения 1989 года. Национальный состав населения по регионам России. URL: http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus_nac_89.php (дата обращения: 08.05.2020).
10. Ермак Г.Г. Этнические мигранты в Приморском крае // Приморье: народы, религии, общество / под ред. Г.Г. Ермак, Т.И. Табунщиковой. Владивосток, 2011. С. 147—160.
11. Итаров Е. Как «чехи» Приморье брали. URL: http://www.compromat.ru/page_11678.htm (дата обращения: 02.08.2021).
12. Ким А.С. Этнополитическое самоопределение корейской диаспоры в Хабаровском крае // Проблемы межэтнического взаимодействия на Дальнем Востоке России: история и современность: сб. науч. тр. Хабаровск: Изд-во Дальневосточ. гос. гуманит. ун-та, 2011. С. 132—140.
13. Клименко О. Текиев стал судоремонтником, рудознатцем и строителем. URL: https://zrpress.ru/business/primorje_12.12.2017_86942_tekiev-stal-sudoremontnikom-rudoznattsem-i-stroitelem.html (дата обращения: 27.07.2020).
14. Ковалевская Ю.Н. Антропология владивостокских оптово-розничных продуктовых рынков // Реформы конца XX — начала XXI в. на постсоветском пространстве: региональный аспект: сб. науч. ст. / отв. ред. А.С. Ващук. Владивосток: ИИАЭ ДВО РАН, 2020. С. 250—260.
15. Колымское золото не дошло до Ингушетии. URL: <http://osetia.kvaisa.ru/1-rubriki/11-kriminalnaya-xronika/kolymskoe-zoloto-ne-doshlo-do-ingushetii/> (дата обращения: 27.08.2020).
16. Королёва Э.В. Место этнических мусульман в формировании структуры населения Приморского края (конец XIX—XXI вв.) // Вестник ТОГУ. 2009. № 3 (14). С. 191—200.
17. Мальцев А., Хабалов Д. Чеченская «семья» не примет боевиков из Ичкерии. URL: https://vladnews.ru/ev/vl/659/96937/chechenskaya_semya (дата обращения: 27.07.2020).
18. Народы Приморского края: Иллюстрированный историко-этнографический справочник. Спец. выпуск. Приморье: народы, религии, общество / отв. ред. Г.Г. Ермак, Т.И. Табунщикова. Владивосток, 2016. 172 с.
19. Население Приморского края в 1998 г.: стат. бюл. Владивосток: Примстат, 1999. 82 с.
20. Население Приморского края в 1999 г.: стат. бюл. Владивосток: Примстат, 2000. 79 с.
21. Население Приморского края в 2000 году: стат. бюл. Владивосток: Примстат, 2001. 80 с.
22. Национальный состав населения Приморского края: стат. сб. Владивосток: Примстат, 2012. 94 с.
23. Номоконов В.А. Особенности противоправного проникновения организованной преступности в экономику Дальнего Востока // Социально-экономические

- и политические процессы в странах Азиатско-Тихоокеанского региона: материалы и тез. докладов междунар. науч.-практ. конф. Кн. 1. Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 1997. С. 63—67.
24. Общество и власть на российском Дальнем Востоке в 1960—1991 гг. / под общ. ред. В.Л. Ларина; отв. ред. А.С. Ващук. Изд. 2-е, перераб. Владивосток: ИИАЭ ДВО РАН, 2018. 904 с. (История Дальнего Востока России. Т. 3. Кн. 5).
 25. Советский Сахалин. Южно-Сахалинск, 1996—1999.
 26. Тураев В.А. Социально-демографические процессы у коренных малочисленных народов Дальнего Востока в 1989—2010 гг. // Россия и АТР. 2019. № 2. С. 145—164.
 27. Хабаровский край станет ближе к Армении. URL: <https://noev-kovcheg.ru/mag/2009-02/1521.html> (дата обращения: 10.02.2021).
 28. Цыганская мафия. URL: <http://www.mzk1.ru/2018/01/цыганская-мафия/> (дата обращения: 24.10.2020).
 29. Чернолуцкая Е.Н. Корейцы на Дальнем Востоке в позднесоветский период: численная динамика и этническая консолидация // 1937 год: русскоязычные корейцы — прошлое, настоящее и будущее. М.: Аквариус, 2018. С. 103—114 (на русс. яз.), 115—125 (на англ. яз.).
 30. Чернолуцкая Е.Н. «Точка невозврата»: демографическая динамика на Дальнем Востоке СССР в годы перестройки (1985—1991 гг.) // Россия и АТР. 2014. № 4. С. 23—37.
 31. Ярков А.П. Чеченцы в Тюменском крае: возможности адаптации (этнологические наблюдения на фоне вагонного разговора) // Диаспоры. 2013. № 1. С. 158—172.
 32. Park Hyun-Gwi. Migration of Koreans from Central Asia to the Primorye Region Under Conditions of Post-Soviet Changes: Motives, Flows, Adaptation Practices // Россия и АТР. 2020. № 1. С. 72—84.

REFERENCES

1. Anayban Z.V. Kharakteristika etnodemograficheskikh protsessov Tuvy v sovetskiy period [Characteristics of the Ethnodemographic Processes of Tuva in the Soviet Period]. *Novye issledovaniya Tuvy*, 2011, no. 2—3, pp. 130—150. (In Russ.)
2. *Akhoyan Galust Tsolakovich* [Ahoyan Galouste Tsolakovich]. Available at: <http://www.zspk.gov.ru/deputy/93390/> (accessed 11.02.2021). (In Russ.)
3. Burmenko A. *Tsygane s pilami napereves* [Gypsies with Saws at the Ready]. Available at: <https://novostivl.ru/post/17711/> (accessed 14.04.2020). (In Russ.)
4. Vashchuk A.S. Adaptatsiya etnicheskikh migrantov iz Rossii i SNG v Primor'e (90-e gody XX v.) [Adaptation of Ethnic Migrants from Russia and the CIS in Primorye (90s of the XX Century)]. *Adaptatsiya etnicheskikh migrantov v Primor'e v XX v.* [Adaptation of Ethnic Migrants in Primorye in the 20th Century]. Vladivostok, DVO RAN Publ., 2000, pp. 158—173. (In Russ.)
5. Vashchuk A.S. Migratsionnye svyazi Dal'nego Vostoka Rossii s postsovetskimi gosudarstvami v kontse XX v. [Migration Relations of the Russian Far East with Post-Soviet States at the End of the XX Century]. *Rossiya i ATR*, 2003, no. 2, pp. 55—65. (In Russ.)
6. Vashchuk A.S., Ermak G.G. Russkiy yazyk v povsednevnykh praktikakh etnicheskikh migrantov v Primorskom krae [Russian Language in Everyday Practices of Ethnic Migrants in Primorsky Krai]. *Primor'e: narody, religii, obshchestvo* [Primorye: Peoples, Religions, Society]. Executive eds. G.G. Ermak, T.I. Tabunshchikova. Vladivostok, 2017, pp. 77—87. (In Russ.)

7. Vashchuk A.S., Chernolutskaia E.N., Koroleva V.A., Dudchenko G.B., Gerasimova L.A. *Etnomigratsionnye protsessy v Primor'e v XX veke* [Ethno-migration Processes in Primorye in the 20th Century]. Vladivostok, IIAE DVO RAN Publ., 2002, 228 p. (In Russ.)
8. *Vserossiyskaya perepis' naseleniya 2002 goda. Natsional'nyy sostav naseleniya po regionam Rossii* [All-Russian Population Census of 2002. National Composition of the Population in Regions of Russia]. Available at: http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus_nac_02.php (accessed 08.05.2020). (In Russ.)
9. *Vsesoyuznaya perepis' naseleniya 1989 goda. Natsional'nyy sostav naseleniya po regionam Rossii* [All-Union Population Census of 1989. National Composition of the Population in Regions of Russia]. Available at: http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus_nac_89.php (accessed 08.05.2020). (In Russ.)
10. Ermak G.G. *Etnicheskie migranty v Primorskom krae* [Ethnic Migrants in Primorsky Krai]. *Primor'e: narody, religii, obshchestvo* [Primorye: Peoples, Religions, Society]. Ed. by G.G. Ermak, T.I. Tabunshchikova. Vladivostok, 2011, pp. 147–160. (In Russ.)
11. Itarov E. *Kak «chekhi» Primor'e brali* [How the “Czechs” Were Capturing Primorye]. Available at: http://www.compromat.ru/page_11678.htm (accessed 02.08.2021). (In Russ.)
12. Kim A.S. *Etnopoliticheskoe samoopredelenie koreyskoy diaspory v Khabarovskom krae* [Ethnopolitical Self-determination of the Korean Diaspora in the Khabarovsk Krai]. *Problemy mezhetnicheskogo vzaimodeystviya na Dal'nem Vostoke Rossii: istoriya i sovremennost'*: sb. nauch. tr. [Problems of Interethnic Interaction in the Russian Far East: History and Modernity: Proceedings]. Khabarovsk, Izd-vo Dal'nevostochn. gos. gumanit. un-ta Publ., 2011, pp. 132–140. (In Russ.)
13. Klimenko O. *Tekiev stal sudoremontnikom, rudoznattsem i stroitelem* [Tekiev Became a Ship Repairman, Expert in Ore Mining and Builder]. Available at: https://zrpress.ru/business/primorje_12.12.2017_86942_tekiev-stal-sudoremontnikom-rudoznattsem-i-stroitelem.html (accessed 27.07.2020). (In Russ.)
14. Kovalevskaya Yu.N. *Antropologiya vladivostokskikh optovo-roznicnykh produktovykh rynkov* [Anthropology of Vladivostok Wholesale and Retail Food Markets]. *Reformy kontsa XX — nachala XXI v. na postsovetskom prostranstve: regional'nyy aspekt*: sb. nauch. statey [Reforms of the Late 20th — Early 21st Century in the Post-Soviet Space: Regional Aspect: Proceedings]. Executive ed. A.S. Vashchuk. Vladivostok, IIAE DVO RAN Publ., 2020, pp. 250–260. (In Russ.)
15. *Kolymskoe zoloto ne doshlo do Ingushetii* [Kolyma Gold Did Not Reach Ingushetia]. Available at: <http://osetia.kvaisa.ru/1-rubriki/11-kriminalnaya-xronika/kolymskoe-zoloto-ne-doshlo-do-ingushetii/> (accessed 27.08.2020). (In Russ.)
16. Koroleva E.V. *Mesto etnicheskikh musul'man v formirovanii struktury naseleniya Primorskogo kraia (konets XIX—XXI vv.)* [The Place of Ethnic Muslims in the Formation of the Population Structure of Primorsky Krai (Late 20th — 21st Centuries)]. *Vestnik TOGU*, 2009, no. 3 (14), pp. 191–200. (In Russ.)
17. Mal'tsev A., Khabalov D. *Chechenskaya «sem'ya» ne primet boevikov iz Ichkerii* [Chechen “Family” Will Not Accept Militants from Ichkeria]. Available at: https://vladnews.ru/ev/vl/659/96937/chechenskaya_semya (accessed 27.07.2020). (In Russ.)
18. *Narody Primorskogo kraia: Illyustrirovannyi istoriko-etnograficheskiy spravochnik. Spets. vypusk. Primor'e: narody, religii, obshchestvo* [The Peoples of Primorsky Krai: An Illustrated Historical and Ethnographic Reference Book. Special Issue. Primorye: Peoples, Religions, Society]. Executive ed. G.G. Ermak, T.I. Tabunshchikova. Vladivostok, 2016, 172 p. (In Russ.)

19. *Naselenie Primorskogo kraja v 1998 g.: stat. byul.* [Population of Primorsky Krai in 1998: stat. bull.]. Vladivostok, Primstat Publ., 1999, 82 p. (In Russ.)
20. *Naselenie Primorskogo kraja v 1999 g.: stat. byul.* [Population of Primorsky Krai in 1999: stat. bull.]. Vladivostok, Primstat Publ., 2000, 79 p. (In Russ.)
21. *Naselenie Primorskogo kraja v 2000 godu: stat. byul.* [Population of Primorsky Krai in 2000: stat. bull.]. Vladivostok, Primstat Publ., 2001, 80 p. (In Russ.)
22. *Natsional'nyy sostav naseleniya Primorskogo kraja: stat. sb.* [National Composition of the Population of Primorsky Krai: stat. sat.]. Vladivostok, Primstat Publ., 2012, 94 p.
23. Nomokonov V.A. Osobennosti protivopravnogo proniknoveniya organizovannoy prestupnosti v ekonomiku Dal'nego Vostoka [Features of Illegal Penetration of Organized Crime into the Economy of the Far East]. *Sotsial'no-ekonomicheskie i politicheskie processy v stranakh Aziatsko-Tikhookeanskogo regiona: materialy i tez. dokl. mezhdunar. nauch.-prakt. konf.* [Socio-Economic and Political Processes in the Countries of the Asia-Pacific region: Proceedings of the Intern. Scient.-Pract. Conf.]. Vladivostok, Izd-vo Dal'nevost. un-ta Publ., 1997, book 1, pp. 63–67. (In Russ.)
24. *Obshchestvo i vlast' na rossiyskom Dal'nem Vostoke v 1960–1991 gg.* [Society and Power in the Russian Far East in 1960–1991]. General ed. by V.L. Larin; executive ed. A.S. Vashchuk. 2nd edition, revised. Vladivostok, IIAE DVO RAN Publ., 2018, 904 p. (Istoriya Dal'nego Vostoka Rossii. T. 3. Kn. 5 [The History of the Far East. Vol. 3. Book 5]). (In Russ.)
25. *Sovetskiy Sakhalin.* Yuzhno-Sakhalinsk, 1996–1999. (In Russ.)
26. Turaev V.A. Sotsial'no-demograficheskie protsessy u korennykh malochislennykh narodov Dal'nego Vostoka v 1989–2010 gg. [Socio-demographic Processes Among the Indigenous Small-numbered Peoples of the Far East in 1989–2010]. *Rossiya i ATR*, 2019, no. 2, pp. 145–164. (In Russ.)
27. *Khabarovskiy kray stanet blizhe k Armenii* [Khabarovsk Krai Will Become Closer to Armenia]. Available at: <https://noev-kovcheg.ru/mag/2009-02/1521.html> (accessed 10.02.2021). (In Russ.)
28. *Tsyganskaya mafiya* [The Gypsy Mafia]. Available at: <http://www.mzk1.ru/2018/01/cyganskaya-mafiya/> (accessed 24.10.2020). (In Russ.)
29. Chernolutsкая E.N. Koreytsy na Dal'nem Vostoke v pozdnesovetskiy period: chislennaya dinamika i etnicheskaya konsolidatsiya [Koreans in the Far East in the Late Soviet Period: Numerical Dynamics and Ethnic Consolidation]. *1937 god: russkoyazychnye koreytsy — proshloe, nastoyashchee i budushchee* [1937: Russian-Speaking Koreans — past, Present and Future]. Moscow, Akvarius Publ., 2018, pp. 103–114 (In Russ.), 115–125 (In Eng.).
30. Chernolutsкая E.N. “Tochka nevozvrata”: demograficheskaya dinamika na Dal'nem Vostoke SSSR v gody perestroyki (1985–1991 gg.) [“The Point of No Return”: the Demographic Dynamics in the Far East of the USSR in the Years of Perestroika (1986–1991)]. *Rossiya i ATR*, 2014, no. 4, pp. 23–37. (In Russ.)
31. Yarkov A.P. Chechentsy v Tyumenskom krae: vozmozhnosti adaptatsii (etnologicheskie nablyudeniya na fone vagonnogo razgovora) [Chechens in the Tyumen Region: Opportunities for Adaptation (Ethnological Observations Against the Background of a Wagon Conversation)]. *Diaspory*, 2013, no. 1, pp. 158–172. (In Russ.)
32. Park Hyun-Gwi. Migration of Koreans from Central Asia to the Primorye Region Under Conditions of Post-Soviet Changes: Motives, Flows, Adaptation Practices. *Rossiya i ATR*, 2020, no. 1, pp. 72–84. (In Eng.)

Дата поступления в редакцию 22.04.2021